

что находится в непрерывном поиске новых представлений – не для того, чтобы наслаждаться ими, но чтобы лучше почувствовать, что имеется и нечто непредставимое»¹⁷. Непосредственно концептуализм сложился под влиянием актуальных для середины XX столетия философских, социологических и эстетических течений. Философия логического позитивизма, аналитическая философия и структурализм, лингвистика и различные теории информации стали научной базой, на которую опирались концептуалисты. Развитие культуры последних десятилетий выделило концептуализму роль синкретического явления: он стал искусством, религиозным переживанием, логическим зрением и философским воззрением одновременно. Этому процессу особенно способствовала эксплуатация концептуалистами темы пустоты, небытия, ничто в качестве пути освобождения от шор естественного языка и стереотипного сознания.

Примечания

¹ Бланшо М. Взгляд Орфея / М. Бланшо // Бланшо М. Ожидание забвение. СПб., 2000. С.24.

² Ван Гог В. Письма к брату Тео / В. Ван Гог. СПб., 2007. С.46.

³ Карсавин Л.П. Философия истории / Л.П. Карсавин. М., 2007.

⁴ Derrida J. La verite en peinture / J. Derrida. P., 1978.

⁵ LeWitt S. Sentences on Conceptual Art [Электронный ресурс] // S. LeWitt // <http://www.altx.com/vizarts/conceptual.html>. URL: 05.09.2009.

⁶ Диди-Юберман Ж. То, что мы видим, то, что смотрит на нас / Ж. Диди-Юберман. СПб., 2001. С.100.

⁷ Диди-Юберман Ж. Указ. соч. С.10.

⁸ Хайдеггер М. Вещь / М. Хайдеггер // Хайдеггер М. Время и бытие. М., 1993. С.318.

⁹ Диди-Юберман Ж. Указ. соч. С.91.

¹⁰ Butler C. After the Wake: An essay on contemporary avant-garde / C. Butler. Oxford, 1980. P.66.

¹¹ Батай Ж. Ненависть к поэзии / Ж. Батай. М., 1999. С.231.

¹² Лосский В.Н. Очерк мистического богословия Восточной Церкви. Догматическое богословие / В.Н. Лосский. М., 1991. С.61.

¹³ Гурин С.П. Маргинальная антропология / С.П. Гурин. Саратов, 2000. С.167.

¹⁴ См.: Липовецки Ж. Эра пустоты. Эссе о современном индивидуализме / Ж. Липовецки. СПб., 2001.

¹⁵ Эпштейн М.Н. Слово и молчание: Метафизика русской литературы / М.Н. Эпштейн. М., 2006. С.328.

¹⁶ См.: Кошут Д. Искусство после философии / Д. Кошут // Искусствознание. 2001. №1. С.543–563.

¹⁷ Лиотар Ж.-Ф. Ответ на вопрос что такое постмодерн? / Ж.-Ф. Лиотар // Ad Marginem' 93. М., 1994. С.322.

УДК 1(47)097+929

ЯЗЫКОВАЯ ПАРАДИГМА РУССКОЙ ФИЛОСОФИИ

В.А. Фриауф

Саратовский государственный университет
E-mail: vafriauf@list.ru

Впервые различие традиций русской и западной философской мысли проводится на основе различия между языком-знаком и языком-символом. Западная культура и философия основаны на семиотических редукциях языка, русская духовность и русская мысль – на приоритете символической основы.

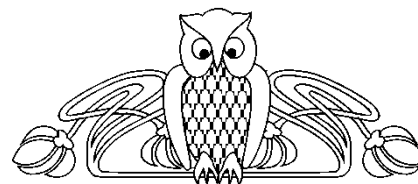
Ключевые слова: язык, язык-знак, язык-символ, имя, число, специфика языка русской философии.

The Language Paradigm of Russian Philosophy

V.A. Friauf

For the first time Russian and Western philosophical traditions distinction is spent as basic distinction of language basic. Russian tradition is based on language-symbol priority, western – on language-sign domination.

Key words: language, sign, symbol, language-symbol, language-sign, philosophical tradition.

Когда речь философа заходит о языке, вспоминается знаменитая ремарка Р. Барта: язык – это знакомый незнакомец. В философии и в европейской культуре последнего столетия зафиксирован так называемый лингвистический поворот. Иными словами, философы стали соревноваться с лингвистами в анализе и толковании природы языка, речи, письма. Ответы на поставленные о языке вопросы получались весьма различными, иногда – диаметрально противоположными. Например, толкование языка у М. Хайдеггера является по своему смыслу противоположным концепциям логических позитивистов, а

также толкованию языка у Л. Витгенштейна и у других представителей аналитической философии. Ещё более заметное противостояние интерпретаций природы языка проходит между западно-европейской философской традицией в целом и традицией русской мысли – именно это парадигмальное противостояние и является предметом исследования в данной статье.

В настоящее время можно констатировать, что предпринятые лингвистами и философами попытки отыскать следы изначального «адамического» первоязыка не увенчались успехом. Эти следы пытались обнаружить в семантике, в грамматике и даже в прагматике языка. Тем не менее обнаружить единый генетический исток всех известных языков и наречий мира так и не удалось.

На протяжении последних десяти лет мне уже неоднократно приходилось высказывать идею, согласно которой в основе формирования множества языков и наречий мира находится не одно, а, как минимум, два начала. Это – тайна Имени и тайна Числа¹.

Обычно различие между традициями усматривается в особенностях культа, иногда, что менее верно, в особенностях верования. Но ещё никто не приходил к выводу, что различия и принципиальные расхождения самих культов и верований следует отыскивать в тайне генезиса и природы языка как такового. Иными словами, происхождение любой священной традиции мира необходимо усматривать в той или иной форме соотношения двух начал языка – то есть в тайне Имени и в тайне Числа. Генетическим истоком появления религии как особой формы духовности является так называемая авраамическая традиция. Философия как альтернативная духовная форма есть порождение священной мистериальной традиции древней Греции.

Не только историкам философии известно, какое значение числам отводится, к примеру, у пифагорейцев. Демийург Платона также работает как бог-геометр. И если у египтян мы достаточно легко можем обнаружить учение о священном статусе имён (*ран* – истинное имя, без знания которого Ка, т.е. дух-двойник человека в загробном мире

не может даже попасть на ладью бога Ра и пройти посмертный суд), то уместен вопрос: существует ли подобная традиция почитания тайны имени у античных мудрецов? В общем виде положительный ответ уместен хотя бы потому, что основатель античной мистериальной традиции Орфей получил своё образование и своё посвящение у жрецов Египта.

Какие формы имязвучия, к примеру, остаются в качестве реликтовых следов первоначальных форм языка? Без колебаний к таковым следует отнести *музыкальную* и *поэтическую* формы. Музыкальная суть не что иное, как подчинение алогической стихии числа смысловым энергиям первичных имён. Если мы теперь уточним, что имя выражает себя в символе, а число – в знаке, то *музыкальная форма имязвучия есть не что иное, как движение между символом и знаком*. Надо ли напоминать специально, какая роль отводится музыкальному звучанию в орфико-пифагорейской традиции античной философии?

Рядом с музыкальной формой имязвучия мы находим форму поэтического звучания. Поэтическая форма, которую М. Хайдеггер весьма выразительно трактует как *мелос бытия*, также содержит в себе подчинение числовых пропорций качественно организованным энергиям имени. Характерно, что Ж. Бодрийяр высоко оценивал раннюю работу Ф. де Соссюра «Анаграмма», в которой швейцарский лингвист трактует сущность поэтической формы языка как дезинтеграцию Божественного имени методом анаграммы².

Случайно ли то обстоятельство, что сакральные имена и тексты предписывалось не просто «читать», но именно *пропевать*? И что само это пропевание одновременно являло собою поэтическую форму языка? «Гнев, о богиня, воспой Ахиллеса, Пелеева сына...». Текст новозаветных Евангелий до сих пор принято именовать «стихами», хотя в них нет канонически принятых норм поэтической речи, т.е. ритма и рифмы. Что-то принципиально иное, а вовсе не эти числовые характеристики, находится в основе поэтической формы, поистине – это *форма имязвучия*.

Но при чём же здесь философия, пусть даже и античная? Подчеркнём ещё раз: её, философии, собственное существо генетически происходит из священного мистериального культа античной Греции. П. Флоренский имел основания для утверждения, согласно которому генезис категорий философского мышления обусловлен таинствами культа. Правда, в отличие от музыкальной и поэтической форм имязвучия существо философствования – это **форма организации смысловой энергии слова**.

Как справедливо отмечает А.Ф. Лосев, в слове или в имени мы обнаруживаем множество энергем – от фонетических и морфических до энергем значения и смысла. Популярное ныне понятие *дискурса* слишком далеко отстоит от изначальной природы философствования, чтобы походя принимать его за аутентичное выражение существа философии. Следовательно, именно в природе и существе языка коренится генетический источник как происхождения самой философии, так и различий между традициями в истории философии. Нас интересуют в данной статье истоки различий русской и западной философской традиций.

Вернемся к вопросу о происхождении знаков и символов как двух ипостасей языка. Как уже было отмечено, *имя* и *число* суть те начала, которые, во-первых, можно квалифицировать в качестве онтологических трансценденталий эмпирических проявлений человеческого языка и, во-вторых, как подлинные истоки происхождения *знаков* и *символов*.

Так, именно Число является генетическим и формообразующим принципом знаковой формы бытования языка. Напротив, Имя имплицитно символизирует формы проявления сущности языка. Следовательно, имя и число продуцируют возникновение двух различных процессов эмпирического проявления языков мира: один из них можно назвать **языком-символом**, второй, соответственно, **языком-знаком**.

Почему именно Число является, согласно нашей гипотезе, генетическим истоком

языка-знака? Потому что оно представляет собою меональную онтологию, онтологию инобытия или онтологию материального космоса. Именно число, и об этом размышлял Плотин и его ученики и последователи, ответственно за **множественность как природу бытия**. Единое у Платона, как и Благо у Платона, превышает бытие достоинством и силой. Как отметит позже А. Лосев, такое платоновское Единое суть не что иное, как *апофатическое имя Первосущности*. Лосев также именуется число меональным принципом или, как он предпочитает говорить, принципом меонального размыва бытия. Из всей плеяды русских мыслителей именно ему принадлежит наиболее полное и законченное философское учение о природе числа³. В частности, Лосев критикует Гегеля за то, что он в своей «Науке логики» ставит число после качества и рассматривает его как момент категории количества. На самом деле, подчеркивает русский мыслитель, в этом вопросе ближе к истине Плотин, у которого число идёт сразу после Единого как онтологический принцип формирования множественной природы бытия.

Имя по самой своей природе противостоит числу. Имя основано на эффекте синергии, т.е. на органичном соединении энергий бытия с образованием нового состояния бытия. **Именная онтология** лучше всего определена в метафорическом послы П. Флоренского, согласно которому **символ есть бытие, большее самого себя**. Напротив, **знак суть не что иное, как бытие, которое меньше самого себя**. Не случайно у того же Платона космос есть Единое минус ещё что-то. Это «что-то» обусловлено природой меонального размыва Единого посредством числа.

Интересно отметить в контексте нашего анализа то обстоятельство, что природа числа теснейшим образом связана и с загадкой природы времени и природы музыки, на что также обращает внимание А. Лосев⁴. Современный русский исследователь доктор физико-математических наук С.В. Петухов в своём анализе знаменитой китайской «Книги

перемен» выявил удивительное обстоятельство: в этой книге гексаграммы структурно упорядочены не только по принципу генетического кода (что само по себе является открытием!), но порядок гексаграмм воспроизводится так же как законченное музыкальное произведение!⁵

Прежде чем перейти к сопоставлению русской и западной философских традиций на основе различий в языке, кратко рассмотрим исторические этапы и формы соотношения языка-символа и языка-знака.

Исторически первым этапом является такое состояние человеческой реальности, в котором мы можем констатировать преобладание именной онтологии и соответственно языка-символа. При этом он на первом этапе человеческой истории является действующим агентом, обеспечивающим реальный процесс общения человека с Божественной, небесной реальностью. Язык-знак тоже наличествует, но представляет собою всего лишь неявный и неочевидный фон символической презентации языка. Следы такого первоначального символического функционирования языка, как было уже отмечено, являются музыкальная и поэтическая формы имязвучия, а также хореографическая форма, т.е. движение в танцевальном ритме.

Первичные имена, которые, по меткой метафоре Лосева, не хулятся материей имязвучия, вторгаются в гилетику меонического хаоса и формируют космический порядок соответственно своим качественно организованным энергиям нетварного происхождения. Однако гилетика содержит в себе алогический момент меона, и этот момент суть не что иное, как действие природы числа.

В наиболее древних культах, т.е. тех древних сообществ, о которых мы сегодня уже знаем, что они существовали на Земле очень давно (так давно, что историческая наука этого и представить себе не может), но о которых мы пока не располагаем достоверными сведениями и потому относим эти сведения к области мифологии, именно язык-символ был основной формой взаимодействия между людьми, а также между людьми и небесными существами.

На исторически первом этапе язык-символ конституирован так называемой лестницей первичных имён тех самых, которые, не имея материи имязвучия, манифестируют себя в эмпирическом процессе исторического бытия в различных духовных традициях как в формах имязвучия (музыкальной и поэтической), так и в формах беззвучной манифестации – в ритмически организованной форме движения тела, подчинённом структурной организации энергий бытия. Характерным примером такого движения являются комплексы Тайцзи цюань – Великого Предела в китайской традиции Дао.

А как обстоит дело на этом этапе с языком-знаком? Для ответа на этот вопрос надо иметь в виду, что знаки по отношению к символам всегда выстраивают стратегию и тактику симуляций. На первоначальном этапе стратегия симуляций заключается в том, что язык-знак выдаёт себя за язык-символ. Принцип имени выстраивает священную лестницу именитства. Принцип Числа, в противовес этой лестнице имён выстраивает так называемую *матрицу числовых значений*. Имя фундирует появление и функционирование **мифологического** типа культур. Число, напротив, имплицитно выстраивает так называемую *матрицу магического* типа культур. Р. Генон в этом случае говорит о формировании Традиции и контртрадиции. Я предпочитаю именовать лестницу именитства традицией Логоса, а контртрадицию числа – нумерологией.

Сегодня на вопрос о том, сколько же времени длился первый этап взаимоотношений языка-символа и языка-знака нелегко дать достоверный ответ. Зато можно констатировать, что второй этап их соотношения начинается, когда появляется **письменность**. Хорошо известна ремарка Платона, согласно которой изобретение письма убило память. Можно предположить, напротив, что письменная фиксация речи или языкового сообщения появляется в условиях, когда носители языка, действительно, утрачивают континуальность памяти и вынуждены использовать знаки письма как своеобразную мнемотехнику.

Наиболее существенным признаком второго исторического этапа является своеобразная энантиодромия роли знаков и символов в языковых коммуникациях. Отныне действующим языковым агентом является именно знаковость языка, в то время как символизм становится всего лишь фоном языковых презентаций – в форме мифа, предания, культовой деятельности, выделения и обособления сферы сакрального и редукции этой сферы к социальной институции особого рода. Так, к примеру, традиция Вед имеет как дописьменную, так и письменную историю своей манифестации. Религии Откровения возникают на этом, втором этапе и потому фиксируются в текстах Священного Писания и Священного Предания. Интересен сам по себе тот факт, что мифология характерна для дописьменных культур и цивилизаций, в то время как форма религии – для письменной манифестации языка. В этом отношении характерным является заблуждение историков и культурологов: они полны уверенности в том, что письменные культуры стоят по качеству и уровню своего развития значительно выше, чем культуры дописьменные. В настоящее время палеонтология накопила множество открытий артефактов, которые демонстрируют нам седую древность и высочайший уровень развития древнейших цивилизаций Земли.

А.Ф. Лосев в своём блистательном анализе трактата «О египетских мистериях» специально подчёркивает: языком *теургии* является исключительно язык символов! Именно символы в их изводе из священной традиции египтян, как полагает автор данного трактата (авторство обычно приписывается неоплатонику Ямвлиху), могут быть проводниками и посредниками между миром богов и миром людей, т.е. жрецов-теургов. Египетское происхождение символов вовсе не обязательное условие, поясняет Лосев. Важен сам факт обращения теургии к языку-символу. *Теология*, пишет выдающийся русский мыслитель, основана на *знаковости* языка, *теургия* – на *языке-символе*⁶. Не правда ли – замечательный по своей теоре-

тической значимости тезис!? Весьма интересным и продуктивным может быть методологическое применение этого тезиса в отношении толкования истории собственно христианской цивилизации, каковой являются как западная, так и российская культуры.

В истории христианства акцентуация на символизме и знаковости языка приводит к расколу между Восточной и Западной церквями. Не случайно в западном христианстве ещё в Средние века формируется схоластика, или так называемая *рациональная теология*. Афонское монашество – духовный центр Православия – напротив, делает акцент не на рациональном Богопознании, а на *онтологии религиозного праксиса*, типе духовной практики, который получил именование традиции *исихазма*. Чтение Иисусовой молитвы, которое составляет сердцевину этой духовной традиции, суть не что иное, как своеобразная евхаристия языка: молитвенная форма призывания Имени Божия превращает знаки языка в символы Богообщения. Отсюда понятно, что своеобразие традиции Восточной, или Православной, Церкви обусловлено ничем иным, как сохранением действия языка-символа.

Переход к третьей стадии соотношения языка-знака и языка-символа происходит в XX веке от Р.Х. Его часто называют переходом от культуры модерна к культуре постмодерна. Что наиболее характерно для наступившей третьей стадии? Ж. Бодрийяр связывает явление постмодерна с так называемой прецессией симулякров в истории западной культуры. Третья стадия этой прецессии, т.е. «симулякры порядка симуляций» – это и есть ситуация постмодерна. На этой стадии знаки уже не маскируют присутствие или отсутствие внешней для них реальности: они посредством знаковой стоимости, или *кода*, начинают игру создания виртуальной гиперреальности. *Обмен* ценностями превращается в *обман* видимостей⁷.

С точки зрения нашей концепции исторически варьируемого соотношения знаков и символов в языке, речь идёт уже не только о симулякрах третьего порядка. Если вторая

стадия, или второй этап в соотношении между знаками и символами основан на топологическом сдвиге между компонентами символа (явлением и смыслом, или между духом и телом), то третий этап начинается с процесса сдвига, смещения между означающими и означаемыми в составе самих знаков. Ф. де Соссюр, основатель структурной лингвистики, полагал, что это невозможно: означаемое и означающее, по его мнению, это две стороны одного листа бумаги. Однако уже у Лакана появляются означающие без означаемого и наоборот, а весь так называемый постструктурализм и вовсе невозможен без такого топологического смещения между компонентами знака.

А что же в условиях гиперсимуляции знаков происходит с языком-символом? В западной культуре именно язык-символ инициирует появление философской герменевтики, психоанализа, «фундаментальной онтологии» М. Хайдеггера, экзистенциально направленного творчества мыслителей и поэтов. Он же – язык-символ – задаёт условия возможности *ремифрологизации* светской культуры современной западной цивилизации.

Но именно в России Серебряный век русской культуры являет собою ярчайшие примеры инициатического влияния языка-символа. Среди модусов русского философствования мы выделяем как наиболее репрезентативный в контексте нашей темы русскую философию имени, развитую в трудах П. Флоренского, С. Булгакова и А. Лосева. Именно для этого направления русской мысли наиболее характерно проявление языковой парадигмы русского стиля философствования, который противостоит языковой парадигме философских школ Западной Европы. Иными словами, именно различие языка-знака и языка-символа лежит в основе языковых парадигм западной и русской философской традиции.

Конечно, из этого тезиса нельзя делать выводы такого рода, что вся западная философия сплошь и целиком репрезентирует манифестацию языка-знака, а русская филосо-

фия, напротив, представляет собою исключительно манифестацию языка-символа. Тем не менее среди лингвистов и философов на Западе по-прежнему преобладает тенденция толкования языковых процессов как семиотических по своей природе и функциям. Можно и нужно указать на такую черту русского стиля философствования, как её притяжение к литературной форме творчества. Русские мыслители зачастую наиболее глубокие философские смыслы излагали в своём литературном творчестве, как это имеет место в ставших уже хрестоматийными примерах у таких гениев русской и мировой культуры как Ф.М. Достоевский и Л.Н. Толстой. Мыслители Серебряного века также тесно сочетались с литературной формой философствования. Ярким и убедительным примером этого является творчество Вл.С. Соловьёва, гениальная одарённость которого одинаково блистательно находила выражение как в философских трудах, так и в стихах, выражающих сокровеннейшие глубины духовных поисков своей эпохи. Другим ярким примером является творчество В.В. Розанова.

Другой отличительной чертой русской мысли, которая указывает на след генезиса самой философии из сакрального истока – символизма языка, является тесная связь русской философской мысли с религиозным началом, особенно с традицией русского Православия. Если вести речь о религиозной философии большинства представителей русского Серебряного века, то часто встречается её интерпретация как «философская расшифровка Православия», тем более что среди ведущих мыслителей этого направления мы находим имена священников Павла Флоренского, Сергея Булгакова, Василия Зеньковского, Георгия Флоровского и монаха в миру Алексея Лосева.

Родоначальники славянской письменности святые равноапостольные Кирилл и Мефодий не подозревали, что вместе с буквами славянского алфавита они закладывают также и фундамент своеобразия русского типа духовности. Ибо алфавит отнюдь не является нейтральным в отношении как стиля письма,

так и стиля мышления носителей данного языка. И хотя русский язык лингвисты относят к семейству индоевропейских языков, но своеобразие алфавита, которое было создано «учителями словенскими», не может не сказываться на специфике русской ментальности, следовательно, и на специфике русского стиля философствования!

Итак, именно язык-символ парадигмально определяет специфику русской философии. Вернее, речь идёт о тех превращённых формах языка-символа, который хранит и продуцирует православный культ и православная культура.

Исследование выполнено в рамках аналитической ведомственной программы «Развитие научного потенциала высшей школы (2009–2010 гг.) (проект №2.1.3./6499).

Примечания

¹ См.: Фриауф В.А. Язык. Сознание. Человеческая реальность... Абсолютно Другое / В.А. Фриауф. Саратов, 2005.

² См.: Бодрийяр Ж. Символический обмен и смерть / Ж. Бодрийяр. М., 2000.

³ См.: Лосев А.Ф. Самое Само / А.Ф. Лосев // Лосев А.Ф. Миф. Число. Сущность. М., 1994. С.421–423.

⁴ См.: Лосев А.Ф. Музыка как предмет логики / А.Ф. Лосев. М., 1990.

⁵ См.: Петухов С.В. Бинарные субалфавиты генетического кода и языки культуры / С.В. Петухов // Синергия культуры: Тр. всерос. конф. / Под ред. А.В. Волошинова. Саратов, 2002. С.24–30.

⁶ См.: Лосев А.Ф. История античной эстетики: в 8 т. / А.Ф. Лосев. М., 1988. Т.7, кн.1. С.257–260.

⁷ См.: Бодрийяр Ж. Соблазн / Ж. Бодрийяр. М., 2000.